

В разделе «Предсезонная трибуна» все статьи публикуются в дискуссионном порядке.

Предсезонная Т Р И Б У Н А

Источник: Николаев Д. На историческую почву / Д. Николаев // Вопросы литературы. — 1965. — № 10. — С. 17-22.

Д. НИКОЛАЕВ

На историческую почву

В последние годы немало спорили о том, где кончается история и начинается современность, с какого момента числить «нынешний» этап литературного развития. Мне кажется, что сейчас, накануне Четвертого Всесоюзного съезда советских писателей, следует обратиться к такой не менее важной проблеме, как вопрос об историзме литературы.

Проблема эта чрезвычайно многогранна, и охватить ее целиком в рамках статьи, конечно, невозможно. В данном случае хочется остановиться лишь на некоторых ее аспектах, связанных с нынешним состоянием советской литературы и ее ближайшими перспективами.

1

Когда Горький в 20—30-е годы взялся за громадный роман, посвященный событиям конца XIX—начала XX века, многие недоумевали: что такое? Не уходит ли писатель от современности?

Прошло время, вышла четырехтомная «Жизнь Клима Самгина», которую Горькому — увы! — так и не удалось закончить, и даже бывшие скептики поняли, что писатель нарисовал грандиозную картину, которую не мог бы создать никто другой. Перед читателем предстала сама история в своем движении, в основных своих событиях и поворотах, в ее влиянии на человеческие судьбы. И в то же

время это была сама современность, если понимать под этим словом не только «злобу дня», но и проблемы века.

В те же годы М. Шолохов писал «Тихий Дон». И опять предметом внимания художника были крупнейшие вопросы времени, связанные с событиями первой мировой и гражданской войн. В романе Шолохова был иной временной и пространственный охват действительности, но по пластичности и точности воссоздания атмосферы жизни, по глубине проникновения в главные конфликты изображаемого периода эти две книги, несомненно, стоят рядом. До сих пор они остаются вершинами советской литературы, являя собой образец подлинного последовательного историзма.

Современность не существует вне связи с недавним прошлым, вне того или иного понимания закономерностей развития истории. Для того чтобы глубже осознать настоящее, необходимо проследить, как рождалось это настоящее, какие тенденции общественно-го развития способствовали его появлению на свет и утверждению, какие силы мешали ему, боролись с ним.

Вместе с тем нельзя игнорировать и тот факт, что современность всегда накладывает свой отпечаток на историю, а точнее, на освещение истории, определенных ее отрезков и конкретных событий. Подлинный облик настоящего зачастую вырисовывается рельефнее, если посмотреть, на какое прошлое оно опирается, что отвергает, с чем борется.

В 20-х — начале 30-х годов и литература и кинематограф были увлечены осмыслением и поэтическим изображением таких событий недавней истории, как революция и гражданская война. В литературе появились не только «Жизнь Клима Самгина» Горького и «Тихий Дон» Шолохова, но и «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» Маяковского, «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Города и годы» Федина, «Разгром» Фадеева; в кинематографе — «Броненосец «Потемкин» и «Октябрь» Эйзенштейна, «Мать» и «Конец Санкт-Петербурга» Пудовкина, «Арсенал» и «Щорс» Довженко, «Чапаев» Васильевых, трилогия о Максиме Горьком и Трауберга.

Во всех этих и многих других произведениях недавнее прошлое изображалось во всей его истине и полноте, без умолчаний и подчисток. Важнейшим завоеванием молодого советского искусства стал глубокий последовательный *историзм*.

В последующие десятилетия слишком много внимания было обращено уже на другие эпохи, на иных деятелей прошлого. Исторических фильмов, исторических романов было немало; подлинного же историзма в них зачастую не было. Надо ли объяснять почему?

Историзма зачастую явно не хватало и в книгах о современности, о настоящем. В чем это выражалось? И в том, что некоторые стороны действительности вообще обходились молчанием; и в том, что при изображении окружающей жизни факты нередко «вынимались» из цепи причинно-следственных связей, преподносились изо-

лированно от других фактов, более существенных; и в том, что характеры людей рисовались вне всех тех обстоятельств, под влиянием которых проходило их формирование.

Конечно, было бы неправильно впасть в крайность и заявлять, будто все наше искусство с конца 30-х до середины 50-х годов не исторично. Это не так. И в те годы создано немало книг, пьес и кинокартин, авторы которых остались верны принципам историзма. Однако принципы эти не соблюдались до конца последовательно (особенно когда речь шла о современности).

Возьмем, например, такое значительное произведение, как «Русский лес» Л. Леонова. Грацианский и Вихров — характеры, сформированные временем и выражающие противоборствующие его тенденции. В этом смысле роман Леонова, не в пример многим другим книгам тех лет, в своей основе, безусловно, историчен. Но все же автор довольно-таки прямолинейно объясняет «истоки» «грацианщины» как явления связью профессора с царской охранкой.

А произведения о деревне конца 40-х — начала 50-х годов? В очень многих из них рисовались идиллические картины. Если же изображались колхозы бедные, то в них жизнь изменялась как по волшебству, стоило туда прийти «хорошему» председателю. «Отдельные недостатки» и отрицательные явления объяснялись главным образом «несознательностью» колхозников. Что книги того времени были недостаточно историчны, стало предельно ясно после памятного всем сентябрьского Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в 1953 году.

Ценность очерков В. Овечкина, сыгравших важную роль в становлении нового этапа нашей литературы, состояла прежде всего в том, что в них содержался серьезный, *конкретно-исторический* анализ деревенской жизни 50-х годов. Писатель не ограничился констатацией того факта, что Борзов — «плохой»; он задумался над тем, *почему*, в силу каких *причин* он стал таким. Анализ человеческого характера сопровождался анализом условий, его породивших. Тем самым важнейшие проблемы нашего общественного развития рассматривались на почве реальной действительности, а не в некоем искусственно созданном вакууме.

Художественный анализ жизни, содержащийся в очерках В. Овечкина, еще не был — да и не мог быть — до конца последовательным. Однако принципы конкретно-исторического исследования действительности находили все большее и большее признание среди литераторов, пишущих о деревне (впрочем, не только о деревне).

XX и XXII съезды КПСС внесли существенные коррективы в оценку минувшего периода нашей истории. Были сказаны слова правды о том, что долгие годы обходилось молчанием или искажалось. Все это заставило писателей вновь обратиться к минувшему периоду жизни, привело к дальнейшему расширению и углублению историзма. Одна за другой стали выходить книги о 20-х, 30-х, 40-х годах, и среди них такие, как «Испытательный срок» и «Же-

стокость» П. Нилина, «Сентиментальный роман» В. Пановой, «На Иртыше» С. Залыгина, «Иначе жить не стоит» В. Кетлинской, «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Дом и корабль» А. Крона, «Июль 41 года» Г. Бакланова...

Как же объясняют сами писатели свое обращение к недавнему прошлому? Ведь к «истории» обратились те, кто всю жизнь писал о современности.

«После XX съезда партии,— говорит В. Кетлинская,— я испытывала душевную потребность оглянуться на прожитую нами эпоху... Не поняв и не оценив путь, уже пройденный, со всеми его ошибками и достижениями, нельзя по-настоящему двигаться дальше, потому что надо сохранить и развить все лучшее, завоеванное и созданное, и понять, от чего надо отказаться и с чем бороться».

«...Прошлое,— замечает А. Крон,— в такой же мере помогает понять настоящее, в какой настоящее помогает разобраться в прошлом».

Приведенные высказывания — характерны. В них довольно точно выражено то, ради чего писатели обращают свой взор назад, почему вновь пишут о 20-х годах, о 30-х, об Отечественной войне...

Возвращение к пережитому — не случайность. Оно диктуется не только внутренней потребностью отдельных литераторов, но и закономерностями художественного развития, теми проблемами, которые стоят сейчас перед нашим искусством. Одна из главных задач советской литературы заключается ныне в том, чтобы воссоздать объективный ход истории, дать широкий взгляд на целые полосы жизни нашего общества.

Как же решается эта задача? Насколько серьезно и глубоко?

Лет десять назад вышел роман К. Симонова «Товарищи по оружию». Это был первый роман в творческой жизни писателя. До этого К. Симонов писал стихи, поэмы, повести, пьесы... И вот, наконец, настоящий толстый роман. Было чему порадоваться, было чем гордиться. Но роман, вопреки надеждам, «не прозвучал».

Прошло несколько лет, и К. Симонов выпустил еще два романа — «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются». Они уже не оставляли читателей равнодушными — их прочитывали залпом, их хвалили, о них спорили. Что же произошло? Почему первый роман не прозвучал, а эти пользуются успехом?

Нельзя сказать, что роман «Товарищи по оружию» вообще никуда не годился. Это не так. В нем правдиво говорилось о реальных событиях, о том, что действительно было тогда, в конце 30-х годов. Но говорилось лишь об одной стороне жизни, а о другой — умалчивалось.

Иное дело «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются». Эти романы разносторонне раскрывают историческую правду о войне и создают широкую картину, помогающую глубже осознать этот период нашей истории.

Впрочем, не будем анализировать романы К. Симонова, ибо о них уже много дельного сказано в нашей печати. Не будем останавливаться и на других перечисленных выше книгах, уже получивших признание и среди читателей, и в критике. Все они свидетельствуют о том, что историзм все более и более утверждается в книгах о минувшем.

Однако то, что уже сделано нашей литературой, значительно ниже ее возможностей. Вот почему сейчас следует поговорить не только о ее успехах, но и о слабостях, о том, что еще предстоит сделать. В связи с этим хотелось бы остановиться на двух произведениях. Я имею в виду роман Г. Троепольского «Чернозем» («Советский писатель», 1962), который критика обошла молчанием, и роман А. Розена «Последние две недели» («Звезда», 1965, № 1).

2

Г. Троепольский известен читателю как автор рассказов, собранных в книгах «Прохор семнадцатый и другие», «У крутого яра», и повести «Кандидат наук», в подзаголовке которой значится: «отчасти сатирическая». Все эти произведения были посвящены жизни современного села.

И вот перед нами новая книга писателя, отличная от предыдущих и по жанру, и по материалу, легшему в ее основу. Г. Троепольский остался верен деревне, но обратился к ее прошлому. Время действия романа — 20-е годы. Тема его — борьба за советскую власть на селе, за коллективизацию.

Писать о деревне 20-х годов, о коллективизации сейчас — очень трудно. Ведь об этом времени написано много книг, в том числе таких, которые давно получили всеобщее признание.

Что же руководило писателем, обратившимся ныне к теме, которая уже стала достоянием истории? Очевидно, желание восстановить связь времен, стремление глубже осмыслить эпоху, понять истоки последующего развития событий.

Трудно сказать, в какой именно степени роман Г. Троепольского автобиографичен, но можно утверждать с уверенностью, что в основу книги легли события и факты, которые автор пережил или наблюдал сам. Главные герои романа — сверстники писателя. В начале 20-х годов они были подростками; в середине — вступали в жизнь, мужали, выбирали пути; в конце 20-х — начале 30-х — активно боролись за социалистическое переустройство деревни.

Автор романа показывает, что человек не может «изолироваться» от истории, что ее движение неизбежно влияет на судьбы людей, вовлекая их в свою стремнину, заставляя выбирать место по ту или другую сторону баррикад.

...Мальчишки в 1921 году были такими же, как и всегда: они любили ходить в ночное, рассказывать, сидя около костра, страшные истории, подшучивать друг над другом и меряться силой. Вот

и сейчас собрались они вокруг костра. Здесь и Петька Ухарь, и Федька Земляков по прозвищу Варяг, и Ваня Крючков, и Виктор Шмотков — в общем, почти все ребята из Паховки, села, расположенного в средней России.

Пока что эти ребята вместе пасут лошадей, вместе пекут в костре картошку и играют в «кол». Но вот возвращается в село Андрей Вихров, ушедший добровольцем в Красную Армию, организует отряд по борьбе с «зелеными», скрывающимися в окрестных лесах и нагоняющими страх на всю округу,— и сразу же обнаруживается раскол среди ребят. Петька Ухарь, сын самого богатого в селе мужика, вступает в банду «зеленых», а Федька Варяг и Ваня Крючков становятся активными помощниками Вихрова. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Крестьяне с оружием в руках защищают советскую власть, ибо она дала им землю.

Отгремели наконец выстрелы, установилась тишина, а история все продолжает свой бег. Кончился один ее этап, начался другой, и с ним — новые исторические процессы, новые конфликты. Их постичь уже значительно труднее, ибо открытая классовая борьба сменилась эпохой, в которой причудливым образом переплелись самые противоречивые тенденции.

Как же изображает Г. Троепольский эту эпоху? По-разному.

Федор Земляков, будучи в городе, идет в «чайную Климова», которая на самом деле является подпольным ночным рестораном. Дается описание «гостей», выполненное в таком духе:

«Вон, например, кассир, которого Федор видел в окошке какой-то кассы: он склонил голову над столом, волосы обвисли и закрыли половину лица, ладони рук были сложены вместе и лежали на столе. Но он не спал — голова качалась в такт танго. Через некоторое время кассир поднял лицо, откинул волосы назад и крикнул соседу, клинобородому бухгалтеру рабкоопа:

— Что такое жизнь? Я спрашиваю, что такое жизнь?

— Деньги,— отскрипел клинобородый, уставившись на соседа через сползшее на кончик носа пенсне.

— Ничего ты не понимаешь! Профан! — возразил кассир.

В шуме Федор не расслышал их дальнейшего разговора, но и так было ясно: растратчики».

«Ясно» это с первых же реплик не только Федору, но и читателю; ясно, так как изображены сии персонажи по давно отработанному трафарету.

Подобным же откровенным дидактизмом отдают некоторые размышления и замечания главного героя романа — Федора Землякова. Так, проведя Федора через базарную площадь и дав на полтора страничках довольно-таки традиционное описание базара тех лет, автор заключает это описание такими словами:

«Выйдя с базара, Федор обернулся, посмотрел на всю сутолоку и тихо произнес:

— *Нэн».*

Беда такого рода сцен не только в том, что они дидактичны, что все это уже встречалось десятки раз ранее. Подобные сцены дают лишь внешние приметы времени. Они, конечно, «историчны» в смысле своей эмпирической конкретности, но такой историзм носит чисто «информационный» характер.

Это историзм «констатации факта», а не историзм анализа эпохи.

К счастью, писатель идет дальше. Он показывает влияние нэпа на психологию людей, на те подспудные процессы, которые совершаются в селе.

Давно мечтали о земле и Матвей Сорокин, и Семен Сычев, и другие крестьяне. И наконец получили ее, долгожданную. Но оказалось, что земля — это еще не все. Ведь для того, чтобы ее обработать, нужно иметь лошадь. А у Матвея Сорокина лошади нет. И приходится ему опять идти в батраки — на сей раз к Семену Сычеву, который все богатеет и богатеет, становясь заправским кулаком.

Сычев отнюдь не противник советской власти. Он был в отряде по борьбе с «зелеными», он спрятал от бандитов Федора Землякова и тем спас его от смерти. Перед нами мужик работающий, хозяйственный, умелый. Лучше многих односельчан умеет он справляться с нелегкой крестьянской работой. Но есть в нем и еще одна черта — стремление во что бы то ни стало нажиться. И тут уж его ничто не может остановить: ни разум, ни осторожность. Он использует любую возможность, чтобы арендовать побольше земли и нанять батраков. Причем все это делается им в твердой уверенности, будто тем самым он не только увеличивает свое богатство, но и «заботится» об односельчанах, «помогает» им. «Семен всю жизнь хотел быть богатым, как, впрочем, и каждый середняк. Но ему желательнее быть не просто богатым, а богаче всех на селе. Иной раз, лежа на печи в темноте, он подумывал и так: «Построил бы три амбара, насыпал бы полным-полно хлеба... А на масляной неделе запряг бы тройку рысаков, разнарядил бы лентами... А шуба суконная! А шапка боярская!.. И-и-и! Расступись, народ, Семен Трофимыч едет... Мотыка Сорокин остановится, потрясет полами сухой шубенки, снимет облезлую шапчонку и поклонится: Семену Трофимычу!.. А потом дам ему, Сорокину, и Витьке Шмоткову семенов на посев, а они, тот и другой, проценты отработают. Все будут довольны, если Сычев будет богатым».

И действительно, многие крестьяне в деревне довольны Сычевым: семена он им под проценты дает, землю у них арендует да еще и «угощение» нередко ставит. И невдомек им, что сковывает их Сычев незримой цепью своих «добрых намерений», и начинают они волей-неволей плясать под его дудку.

Даже Андрей Вихров, председатель сельсовета, коммунист, не сразу понимает, что за процессы происходят в деревне. Тревожат его сомнения, гложут думы, но яснее от этого не становится: «Вое-

вал, боролся, потерял все, а оно идет как-то не так. Богатеют-то не все, а некоторые, и — за счет других. Вот тут и подумай».

Чувствует Вихров, что не все в порядке на селе, искренне радуется за новую жизнь, но не знает пока, как ее добиться. И к Сычеву он относится неплохо, но считает его противником новой жизни. Пройдет немало времени, прежде чем разберется он в происходящем, поймет, что к чему.

Старое и новое в те годы сосуществовало и боролось друг с другом в самых разных формах, в самых различных областях жизни.

Старое оживало, цвело и набирало сил. Старое подделывалось под новое, маскировалось. Новое было разным.

Была новая экономическая политика.

Были новые кулаки, выросшие уже при советской власти.

И были новые, социалистические принципы, прокладывающие себе дорогу в деревне.

Г. Троепольский убедительно показывает, что процессы, совершавшиеся на селе в период нэпа, с неизбежностью ставили вопрос о дальнейшей перестройке общественных отношений в деревне, о необходимости коллективного ведения хозяйства.

Заслуга писателя также в том, что он не ограничивается раскрытием этого исторического конфликта, а затрагивает и другое противоречие времени, связанное с различными методами проведения коллективизации, разными принципами руководства.

Одним важно любыми способами как можно быстрее осуществить «сплошную» коллективизацию и доложить наверх о процентах «охвата». Другим — убедить крестьян в плодотворности коллективного труда, завоевать на сторону социализма души человеческие. Таковы главные положительные герои романа — Федор Земляков, Ваня Крючков, Андрей Вихров. Вот почему они критически относятся к письму окружкома, в котором в категорической форме предлагается «собрать общие сходки крестьян и вынести решения о коллективизации, *обязательные* для всех».

Федор, Ваня, Андрей не могут открыто выступить против письма, так как обязаны подчиняться дисциплине. И все же паховские коммунисты решают действовать по-своему, так, как подсказывают им их убеждения, их партийная совесть: они *правильно* провели коллективизацию.

В тех же селах, где старательно выполняли инструкцию, принцип добровольности и некоторые другие ленинские принципы коллективизации были нарушены.

Почему же так получилось?

Иван Крючков, секретарь паховской партячейки, не случайно задается этим вопросом. Своими раздумьями он делится с Лузиным, представителем райкома партии:

«— Вот мы прочитали «Головокружение от успехов»... Вроде бы получается так: внизу напортачили, а сверху было не видно, как идет дело... А ведь давали сводки телеграфом об «успехах»...

Дошли до того, как в Оглоблине крестьян распалили: бабы — в бунт... мужики скотину порезали — теперь без мяса не один год чихать будем; бандиты — за оружие, им самый момент... Выходит, он не знал? Как ты думаешь?

— Загадку ты загнул крепенькую... Должно быть, знал.

— А какое же тогда «головокружение»? Если уж «головокружение», то, скорее, от неуспеха, от перехлеста. Значит, неправильный подход был к этому делу вначале, к коллективизации-то, не только снизу. Так или не так?»

Собеседник Крючкова не хочет задумываться над всеми этими вопросами: «Может, так... А может, и не так... Я-то откуда ведаю?.. Не философствовать надо, а... выполнять».

«А я не сумею так: выполнять и не думать!» — заявляет Ваня Крючков. — «Если с первых шагов из округов начали докладывать только об успехах, то и правда ни бельмеса не будем знать. Как хочешь суди, но скажу: неправильно это, если сами себя обманывать начали».

Так сталкиваются жизненные позиции двух коммунистов, призванных руководить людьми. Сейчас нет надобности разъяснять, какая из них ложна: последующая история страны — увы! — слишком наглядно это разъяснила. «Не философствовать надо, а выполнять», — в этих словах суть той психологии, которая будет прививаться массам в условиях культа личности.

Г. Тропольский написал роман, верный исторической правде, однако, на мой взгляд, неровный. Драматичные, художественно выразительные сцены перемежаются в нем с повествованием полухроникальным, выполненным «на среднем уровне». Порой же изображение борьбы нового со старым оборачивается схематизмом и поверхностностью. Тогда появляются плакатные эпизоды и растратчики, появляется дидактизм.

Думается, что существенный просчет допустил писатель и в композиции романа. Действие его, как уже говорилось, развертывается с 1921 по 1930 год. Причем различным отрезкам времени (различным по насыщенности событиями и драматизму) внимание и место уделено почти одинаковое. В результате о фактах сравнительно второстепенных говорится подробно, а о некоторых важных событиях чересчур лаконично. Так, более развернутого и обстоятельного изображения заслуживали мысли, чувства и поступки героев, непосредственно связанные с событиями 1929—1930 годов. Ведь именно эти сцены являются центральными в романе, кульминационным моментом действия. И именно здесь стоило дать более широкую и разностороннюю картину действительности.

Главный же недостаток романа, как мне кажется, состоит в том, что автор почти не выходит за пределы жизненного опыта своих героев, а потому не всегда «возвышается» над ними. В результате получается, что некоторые из тех вопросов, которые были неясны героям, так и остаются в романе не проясненными. Выше приводилась сцена из романа, в которой Иван Крючков и

Лузин беседуют о причинах «перегибов». Герои романа, естественно, не могли дать полного, ясного ответа на этот и многие другие вопросы, которые ставила перед ними жизнь. Но ведь писатель-то, взявшийся ныне за роман об этом периоде истории, не только может, но и должен ответить на них.

Для того чтобы правдиво и полно воссоздать ныне ход истории в тот или иной период, вероятно, уже недостаточно только личных впечатлений от описываемых событий. Сейчас требуется уже основательное, глубокое *изучение* изображаемой эпохи. Известно, что, например, Шолохов при работе над «Тихим Доном» опирался не только на собственные впечатления от событий на Дону, но и на существующую научную литературу, на документы, воспоминания очевидцев и т. п. Все это способствовало исчерпывающему знанию свершившихся событий, глубокому их пониманию и разностороннему, предельно правдивому изображению.

Было бы нелепо что-то «предписывать» Г. Троепольскому, но насколько серьезнее, глубже, историчнее стала бы книга, если бы нарисованная писателем картина была более широкой, если бы она вобрала в себя *многообразие* изображаемого периода, осмысленное с позиций современности.

3

В отличие от «Чернозема» Г. Троепольского, изображающего жизнь героев в течение целого десятилетия, роман А. Розена, как это видно уже из его названия, охватывает небольшой отрезок времени — всего две недели. Но это не совсем обычные недели. Это последние недели перед войной.

«...Как жаль,— писал недавно А. Розен,— что почти ничего не сказано в искусстве о жизни советского кадрового военного в период, который наше поколение называло «передышкой». А без этой правды о людях нашей армии до войны многого не понять в самой войне, не понять и наших поражений, которых могло бы и не быть».

Своим романом писатель и стремится восполнить этот пробел. Приведенные слова точно раскрывают замысел книги, ее внутренний пафос.

Герои А. Розена много разговаривают, много размышляют. Эта особенность произведения в известной мере оправдывает недостаточную действенность фабулы. Главный вопрос, вокруг которого ведутся разговоры и который объединяет вроде бы разрозненные сцены в единый узел,— это вопрос о том, будет ли война.

Немецкий промышленник Кубе, честный коммерсант «старой закваски», дает понять Глебу Зимину, что в июне нацистская Германия начнет войну против нас. Эти сведения совпадают с собственными наблюдениями Глеба, только что вернувшегося из Берлина. На нашу сторону переходят немецкие солдаты — антифашисты, сообщают, что вот-вот Гитлер нападет на Советский Союз.

Все это не принимается во внимание, игнорируется, объявляется «провокацией».

Предупреждения пограничников о том, что гитлеровцы сосредоточили на нашей границе войска и всюю готовятся к нападению на нас, квалифицируются как «паникерство» и «антинемецкие настроения».

Арестован директор ленинградского машиностроительного завода Подрезов, арестован за то, что вздумал предъявить рекламу немецкой фирме, поставившей недоброкачественную турбину. Следователь НКВД Люминарский спешит состряпать «дело Подрезова», ибо знает, «что готовится важный документ, в котором с гениальной прозорливостью будет указано, что «Германия не собирается воевать с Советским Союзом», и будет воздано должное «провокаторам». В свете этого документа «дело Подрезова»... не только кстати, но и просто необходимо». Если будет сказано о провокаторах, то они «должны быть обнаружены заблаговременно».

14 июня в газетах появляется «Сообщение ТАСС», в котором, в частности, сказано: «По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...»

Генерал Зимин в недоумении: то, что он наблюдает на границе, слишком уж противоречит этому сообщению. Поражены и многие другие персонажи романа...

Однако, могут сказать, не модернизирует ли автор историю? Не наделяет ли своих героев нынешним пониманием происходящего?

Нет, история здесь не модернизируется. Она воссоздается такой, какой она была на самом деле. Мы знаем, что задолго до начала войны Рихард Зорге и другие советские разведчики предупреждали о готовящемся нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Мы знаем, что была сообщена точная дата нападения и количество войск, сосредоточенных на немецко-советской границе.

Герои А. Розена ничего этого не знают и не могли знать. Но это не значит, что они не ощущали приближения войны, не располагали иными данными, свидетельствовавшими о том же.

Автор романа не касается фактов, выходящих за пределы жизненного опыта действующих лиц. Мы смотрим на изображаемую эпоху глазами людей, которые жили и размышляли *тогда*. Мы видим то, что видели они.

В самом начале романа, при встрече братьев Зиминых, один говорит о том, что он видел в Германии, а другой отвечает: «Говоришь, у них все бензином пропахло? Ну, а я каждый день рапорты пишу: бензина не хватает. Понял?»

Не хватает бензина. Не хватает машин. Не хватает боевой техники. Не хватает патронов.

Дивизии Зимина приказано передислоцироваться на Запад. Наконец-то! Но до границы дивизия не дошла. Получен новый приказ: прекратить движение и строить учебный лагерь в полутора-стах километрах от границы. «Какой в этом смысл?» Ведь даже поднятая по тревоге, дивизия не в силах будет противостоять первому натиску.

Говорят, на новой границе построены надежные укрытия, оборудованные по последнему слову техники. И вот генерал Зимин приезжает в укрепрайон, вместе с подполковником Лештуковым осматривает первый дот. «Бронированные убежища — даже прямое попадание артиллерийского снаряда не нанесет им существенного вреда...»

Но этот первый дот оказался и единственным готовым до конца. На втором не было ни пушек, ни пулеметов; следующие же представляли собой ямы, простые ямы. Генерал Зимин возмущен, он грозит доложить в штаб армии, в округ, в Москву... Но, оказывается, о положении в укрепрайоне, как объясняет Лештуков, знают все, в том числе и инспектор генерального штаба Гуков. Знают, что строительство идет медленно, что вооружения до сих пор нет, что мало специалистов, рабочих. «Я писал рапорта. Множество рапортов. И что вооружение не приходит — писал, и что стройбатов должно быть больше... Где они гуляют, мои рапорта?»

Зимин, Лештуков и многие другие командиры понимают: нужно предпринимать энергичные, срочные меры, чтобы встретить возможное нападение подготовленными и хорошо вооруженными. Однако это их стремление наталкивается на противодействие таких людей, как инспектор генерального штаба Гуков, который предпочитает не видеть того, что очевидно, если это не соответствует мнению, господствующему «наверху». Впрочем, дело, конечно, не в Гукове самом по себе, и автор романа это показывает.

После осмотра дотов и разговора с Лештуковым генерал Зимин размышляет о том, почему оказался фикцией укрепрайон, почему не предупредил его об этом Данилов, почему не предпринимается срочных мер... «Возможно, что Данилов и не лгал. Возможно, что он просто не знал, как подвигается строительство укрепрайона. Но как он мог не знать? А может быть, Данилов боялся послушаться Гукова? Боялся высказать свое мнение... Но дело отнюдь не в том, что за человек Данилов, и даже не в том, что за человек Гуков, а в той общей атмосфере полуправды, которой они все уже давно дышали: и в корпусе, вдали от новой границы, и в крепостном огороде Данилова, и здесь, в семи километрах от завтрашнего врага».

Были годы, когда к человеку предъявляли требования, совершенно игнорируя обстоятельства, в которых ему приходилось жить, трудиться, бороться.

Теперь нередко встречается противоположная крайность: вся

вина валится на «обстоятельства», и тем самым выдается индульгенция человеку.

Да, время было трудное. Но в это трудное время люди вели себя по-разному. Одни терпели все невзгоды, все муки и оставались честными; другие — подличали, клеветали, доносили.

Историзм состоит не только в том, чтобы правдиво воссоздать и объяснить те или иные явления прошлого, но и в том, чтобы надлежащим образом их *оценить*.

А. Розен не упрощает времени, в которое довелось жить и бороться его героям. Он показывает его сложность и противоречивость, показывает, с какими трудностями сталкивались те, кто стремился всегда, при всех обстоятельствах оставаться человеком. Он рисует и тех, кто приспособлялся, стремясь извлечь из этого выгоду для себя, для своей карьеры. Это — Гуков, Шжроев и Люминарский.

В романе есть любопытный разговор двух героев — Зимина и Гукова, разговор о том, каков будет «суд истории». Гуков, как бы предчувствуя такой суд, пытается заранее оправдаться, свалить все на «обстоятельства», представить себя «простым исполнителем».

«— А вы подумали,— говорит он Зимину,— кто на самом деле есть этот Гуков, тот самый, который кругом виноват? Кто я? Слепое орудие! Нет уж, если когда-нибудь история заинтересуется моими, как вы их назвали, «колыбельными», встану во фронт и отвечу, как оно было: и мотив не мой, и слова чужие..»

— Суд истории? — переспросил Сергей Сергеевич. — Как вы это себе представляете? Чем-нибудь не показался — к стенке, а сумел потрафить — пей до дна? Нет, я думаю, суд истории — суд негромкий, и творит он свое дело по будням. Прошу встать. Слепое орудие? Ой ли? Таким ли уж оно было слепым? Как еще решат народные заседатели... При желании можно было и приоткрыть глаза».

Своим романом писатель стремится показать, что не только обстоятельства воздействуют на психологию людей. Сами люди, их поведение оказывают то или иное влияние на эти обстоятельства. Мы видим, что генерал Зимин находит в себе силы не разрешить лектору из Москвы читать в его войсках лекции, которые лишь снизят боевую готовность дивизии. Мы видим, что генерал-лейтенант Леонтьев самостоятельно принимает нелегкое для него решение и отменяет назначенные на 22 июня учения войск.

Прочитав «Последние две недели», мы как бы ощущаем ту сложную обстановку, которая была накануне войны, и начинаем отчетливо понимать, почему мы оказались неготовы к войне, к отражению «внезапного» нападения гитлеровской Германии, чем были обусловлены наши поражения в первый период войны. Мы отчетливо чувствуем и тот патриотический пафос, которым были охвачены советские люди и благодаря которому мы выиграли битву с фашизмом.

Историзм книги А. Розена — это историзм определенных фак-

тов предвоенного времени; это историзм «атмосферы» жизни — той атмосферы, о которой не узнаешь из газет тех лет; это историзм конфликта, в который вовлечены изображаемые персонажи.

Однако намеченный конфликт, к сожалению, не прослежен до конца, в различных его проявлениях и звеньях. Большинство выведенных А. Розеном героев не выросли в глубоко разработанные характеры. Они лишь контурно очерчены писателем. Более серьезно исследованы характеры Люминарского и Шкroeва, предшествующей жизни которых посвящены специальные «отступления».

Книга А. Розена, несомненно, полезна, ибо, наряду с воспоминаниями кадровых военных, помогает понять определенные стороны нашей жизни накануне войны. Но она не дает достаточно полной картины предвоенного времени — такой картины, какая, безусловно, будет создана не сегодня, так завтра.

В будущих творениях, вероятно, будет раскрыт не один краткий миг предвоенной истории, а эпоха в целом, в различных ее гранях и противоречиях, со всеми ее достижениями и ошибками. Для этого потребуются, конечно, не только глубокое проникновение в характеры, в человеческую психологию, но и основательное знание экономики, политики и иных, не менее важных сторон жизни общества. Совершенно прав Г. Бакланов, когда в одной из статей подчеркивает, что «труд писателя, ставящего своей целью рассказать о времени, это в какой-то своей части непременно труд исследователя, исследователя экономических и общественных условий, формировавших характеры и отношения, вторгавшихся даже в интимную жизнь людей...».

4

Было бы нелепо полагать, что историзм необходим только в книгах о минувшем. История — это процесс, это закономерности, проявляющиеся не только в прошлом, но и в развитии современного общества.

Вот почему историзм — неперемное условие глубокого постижения настоящего и правильного понимания путей, ведущих к будущему.

В. И. Ленин подчеркивал, что понять важные вопросы общественного развития можно лишь в том случае, если поставить их «на ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»¹.

Что же такое историзм в применении к современности? В чем он проявляется? Чем достигается?

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

Когда речь идет о прошлом, суть этого принципа вроде бы ясна: не искажать историю, писать только правду. Рассказывать о том, что было на самом деле. Раскрывать влияние тех или иных исторических событий на судьбы людей. И наоборот, показывать, что историю творят люди, что их поступки, их дела, их подвиги оказывают на ее ход существенное влияние...

Аналогичными принципами призван руководствоваться и писатель, пишущий о настоящем. Он обязан исследовать не только психологию человека, его внутренний мир, его поступки, но и то, что формирует эту психологию, что оказывает влияние на эти поступки. Мало запечатлеть характеры и типы времени, нужно вскрыть общественные, исторические причины, их породившие.

Когда-то Глеб Успенский исследовал положение в деревне с тщательностью ученого. Он вникал в экономику, в статистику, наглядно показывал, чем определяется крестьянская жизнь.

Многие ли наши писатели столь же глубоко осмыслиют нашу современность? К сожалению, нет.

К числу тех немногих, кто стремится это делать, относится В. Тендряков. Наиболее «историчным» его произведением был «Тугой узел». Судьбы людей там складывались под воздействием реальных конкретно-исторических обстоятельств, и обстоятельства эти не обходились молчанием, а, наоборот, подчеркивались.

В некоторых повестях недавних лет писатель, к сожалению, несколько отошел от принципов конкретно-исторического исследования жизни. На первый план стали выдвигаться проблемы морали, нравственности, решаемые порой чересчур уж общо, без тесной связи с обстоятельствами.

И вот перед нами последняя повесть В. Тендрякова — «Подёнка — век короткий» («Новый мир», 1965, № 5). Какова же она? Возвращается ли писатель к принципам, характерным для «Тугого узла»?

У В. Тендрякова свой подход к изображаемой действительности, свой «почерк». Главное для него — не только «проблема», но и характер. Именно через глубоко разработанные характеры людей стремится он раскрыть время.

Этим интересна и его новая повесть. Критики, вероятно, еще будут писать об этом произведении, — о нем возможны разные суждения, споры, и они будут плодотворны, если спорящие не ограничатся чисто эмоциональными откликами, а сосредоточат свое внимание на серьезном анализе проблем, затронутых писателем. Об одной из таких проблем мне и хочется сказать.

Хотя главной героиней повести является молодая колхозница Настя Сыроегина, поначалу, пожалуй, следует сказать об Артемии Богдановиче Пегих — председателе того колхоза, где работает Настя.

Артемий Богданович — человек явно неглупый. Есть у него и организаторская хватка. Став председателем колхоза, Артемий Богданович проявил завидную настойчивость, всех — вплоть до

школьников и учителей — заставил лепить спасительные торфоперегнойные горшочки и урожай капусты собрал неплохой. Но оказалось, что капусту вырастили и другие колхозы, и цена на нее упала — на базаре капусту перестали покупать. «А областные заготовители не построили новых овощехранилищ — по смете не предусмотрено». И попал Артемий Богданович с этой капустой, как кур во щи: «Колхозники клянут, из района, не шутка, страшат судом — погноил сотни тонн высококачественных овощей». Суда ему, правда, удалось избежать, ну, а выговор с занесением в личное дело — получил.

С тех пор Артемий Богданович помудрел, и в его характере появились черточки, которых раньше не было. Стал он человеком «себе на уме», научился вести себя «дипломатично», наловчился хитрить. При очередных кампаниях никогда не перечил, но и былого рвения уже не проявлял. Так, например, когда в фаворе была кукуруза, он, выступая на районных совещаниях, не хуже других славил «королеву полей». «Сначала славил, потом громко каялся: вымерзла сразу, с ходу, пришлось, чтоб не пустовали поля, засеять овсом и ячменем». Влепили Артемию Богдановичу еще один выговор. «Зато осенью были с хлебом, расплатились с колхозниками».

Когда по стране загремело «рязанское чудо», когда ради невыполнения плана по мясу «резали не только телят, не только дойных коров, но и коров стельных, быков-производителей, Артемий Богданович на совещаниях опять лез на трибуну: «Догоним и перегоним!» Но свой скот не спешил резать: «Догоним и перегоним по свинине!» И опять Артемий Богданович получил выговор.

Характер, нарисованный В. Тендряковым, несомненно, увиден в жизни. Мало того, он — типичен, ибо сформирован той практикой руководства, которая осуждена мартовским Пленумом ЦК.

Хитрить приходилось не одному Артемию Богдановичу. Хитрость эта приносила известную пользу колхозному производству, но вместе с тем наносила громадный вред душам людей, приучая их к обману, ко лжи. Начиналась «цепная реакция», остановить которую было уже невозможно. Вот тут-то и надо сказать о главной героине повести В. Тендрякова.

Настя Сыроегина — обыкновенная деревенская девушка. Звезд с неба не хватает, но честная, трудолюбивая. Работает хорошо, зарабатывает тоже неплохо, вот только в «личной жизни» ей пока не везет: вышла, наконец, замуж, да муж через неделю в город сбежал, не захотел в деревне жить, в навозе копаться.

Не очень счастливая пока у Насти жизнь, да ничего, жить можно. Все и было бы, вероятно, по-прежнему, если бы не пришла Артемию Богдановичу одна идея: провести опорос свиной не весной, как обычно, а зимой. «...К весне поросята подрастут, можно выпускать на травку, пользоваться запаренной крапивой».

Большие надежды возлагал председатель колхоза на свою идею и на Настю, которая должна была, наряду с другими сви-

нарками, провести ее в жизнь. Впрочем, на Настю у него были и особые надежды. На последнем собрании Артемий Богданович во всеуслышание заявил: «Еще услышит район фамилию Сыроегиной! Еще будет она гордым знаменем колхоза!..» Артемий Богданович обещал Насте обеспечить «зимних» усиленным питанием, рыбьим жиром, обещал давать сверх всяких норм проросшее зерно («в нем тоже, сказывают, есть какой-то витамин»).

А дальше события развивались следующим образом. Рыбьего жира достать, конечно, не удалось; проросшее зерно уплыло мимо Настиного свинарника — нужно было сдать хлеб на закуп сверх плана. «Только вера в Настю у Артемия Богдановича осталась прежняя: «Будешь гордым знаменем нашего колхоза!»

И вот однажды утром, зайдя в свинарник, Настя обнаружила мертвых сосунков. Семь! Переживала, как личную беду. Собрала сдохших поросят в мешок, привезла в правление колхоза, вывалила перед Артемием Богдановичем: «Дохнут твои зимние! Дох-нут!»

Тут и состоялся между Артемием Богдановичем и Настей тот разговор, который повлиял на ее дальнейшую судьбу. Председатель колхоза заявил, что это она недоглядела, что ее вина, а он тут ни при чем. Напрасно кричала Настя в ответ: «Это я-то недоглядела? Так и знала! Так и знала, что на меня свалишь... Кто настаивал? Кто толкнул меня? Не я ль тебя отговаривала? Не ты ль меня уламывал?.. Рыбий жир, витамины!..» Все эти слова отскакивали от Артемия Богдановича, как от стены горох. Поняла Настя, что отрекся от нее председатель, обманул.

А на следующее утро сдохли еще пять поросят. Заболели другие. «Приехал дед Исай, привез корм, сообщил, что кладовщик Михей отпустил муки самую толику, почти всю заменил высевками».

После этого и делает Настя тот шаг, который приведет ее к возвышению, к славе, а потом и к беде. Заходит в свинарник Артемий Богданович, интересуется, много ли еще поросят пало. Пало много, и впредь, конечно, будут падать — «считай на всем зимнем опоросе крест». Но Настя отвечает, что «один». Чем же вызван такой ответ? «Сам Артемий Богданович урок дал: не будь слишком доверчивой, доверчивому — синяки и шишки, обходчивому — колобки и пышки, теперь-то она всю правду ему не скажет. Один!.. Пусть проверит».

Что же Артемий Богданович? Проверил? Нет, он и не думает проверять. Он хвалит Настю: «Ай, молодец! Характер у тебя, девка, гвардейский. Не растерялась, вовремя спохватилась. Ах, молодец!»

Значит, поверил? Нет, конечно. Не так-то он прост, чтобы его на мякине провести. Тогда как же его понять? Почему он не разоблачает ложь? Вот почему: «...раз, она, Настя, так говорит — значит, знает, что потом вывернется. Ну, а коль не вывернется — он, Артемий Богданович, не ответчик».

А в сводках и расчетах — полный порядок, никто сверху не попрекнет, что у тебя в колхозе падеж; председателя за неудачи по головке не гладят».

Итак, Артемию Богдановичу более выгодно ложь, чем правда. И не только для того, чтобы сверху не попрекнули. Настина ложь помогает ему «отбиться» и от колхозников: Артемию Богдановичу приходилось отдуваться за зимний опорос, и тут единственный ангел-хранитель — Настя. На все попреки, на все жалобы у Артемия Богдановича один ответ: «Не справились, а почему Сыроегина справилась? Она что — дух святой, не такая же свинарка? Все дело в умении и добросовестности!»

И пошла Настя в гору. Ее поместили на доску почета, о ней писали сначала в районной газете, а потом и в областной. Ее посылают в другие колхозы для обмена опытом. Она едет на областное совещание животноводов. Она вызывает на соревнование знатную свинарку Ольгу Карпову.

Как же это все-таки получается, что честный поначалу человек встает на путь лжи и надувательства? В чем дело? Вероятно, прежде всего в таких явлениях, как очковтирательство, показуха.

Жил человек, работал, страдал, о чем-то мечтал. И вдруг объявляется, что он должен стать «гордым знаменем» колхоза. Артемия Богдановича вовсе не занимает и не волнует жизнь Насти, ее бабья неустроенность, ее человеческое существо. *Человек* его не интересует. Раньше Артемию Богдановичу, в соответствии с установкой, нужны были «винтики», теперь ему нужны «маяки». Но, в сущности, это две стороны одной и той же философии.

Путь обмана, очковтирательства, показухи приводит Настю к уголовному преступлению. Она поджигает свинарник, надеясь таким способом скрыть обман. Возможен ли такой исход?

Да, возможен. Одно звено влечет за собой другое. Такой финал наглядно демонстрирует степень падения Насти. В то же время он позволяет раскрыть метания героини, ее внутренние терзания, ее способность вернуться к честной жизни. Ведь Настя все-таки не уезжает в город, где подготовлено «алиби», а возвращается к подоженной ею свинарнику.

Но, вероятно, не исключен был и другой поворот сюжета. Не случайно же на областном совещании «Настя почувствовала — она нужна, очень нужна. Ни Артемий Богданович, ни Пухначев, никто другой так не нужен, как она. Даже Ольга Карпова... Ольга примелькалась, ее давно все знают, повторять имя Ольги — значит, признаваться себе: никто из новых не выдвинулся, топчемся на месте. А тут новая, не так уж и плохи дела в области, выходит — растет новое, хорошее, обнадеживающее, вот доказательство».

Вполне возможно, что если бы Настя сейчас, когда слава о ней гремит по всей области, пришла к Артемию Богдановичу и рассказала обо всем, он не отрекся бы от нее, а помог скрыть

обман. И продолжала бы Настя ходить в знатных свинарках, и ставили бы ее по-прежнему в пример.

Думается, подобный финал был бы более органичен. Ведь изображаемое автором «прозрение» героини мало подготовлено предыдущим и недостаточно раскрыто психологически. Нынешняя концовка повести порой приобретает оттенок несколько мелодраматический, воспринимается как отступление от последовательного историзма.

Каждое время формирует свои социально-психологические типы и характеры. Естественно, что эти типы не остаются неизменными, — они рождаются, расцветают, потом отмирают. Литература, если она верна принципам историзма, правдиво запечатлевает все их многообразие, фиксирует их эволюцию.

В свое время еще А. Малышкин в романе «Люди из захолустья» показал рождение одного из типов, ставших впоследствии характерными. Его Зыбин уже несет в себе такие черты, как демагогия, нежелание считаться с реальными фактами, догматизм. На словах ратуя за правду, он фактически ее игнорирует, затушевывает, фальсифицирует. В недавней статье о романе А. Малышкина критик И. Крамов убедительно доказал, что «Зыбин есть знамение перемен», что, рисуя его, «писатель схватывал на лету жизненный, реальный, выдвинутый действительностью тип» («Вопросы литературы», 1965, № 7, стр. 53).

Впоследствии литература раскрыла этот социально-психологический тип более разносторонне и глубоко. Но до сих пор он еще привлекает внимание писателей. Ведь по своей сущности Гуков из романа А. Розена это тот же Зыбин, только сменивший место работы и из редактора газеты превратившийся в инспектора генерального штаба.

В последнее десятилетие этот социально-психологический тип явно пошел «на убыль». Он уже не столь всесилен, как раньше, но еще жив. Он еще плодит себе подобных, еще сохраняет вокруг себя атмосферу, в которой рождаются Артемии Богдановичи и Настя Сыроегины.

Но он уже не жилец на этом свете. Он уже политический мертвец, «живой труп». История не стоит на месте. Она принесла Зыбина, она же его и унесет. Унесет окончательно и бесповоротно.

Литература призвана помочь истории выполнить эту ее миссию. Показывая зависимость современных характеров от окружающих их обстоятельств, лучшие наши писатели — не снимая «вины» с человека — делают акцент на обстоятельствах, ибо хорошо помнят мысль Маркса: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства вечными»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 2, стр. 145—146.

В своей новой повести В. Тендряков идет по этому пути. Нарисованная писателем картина во многом верна действительности, но еще не поднимается до того уровня, который был достигнут в «Тугом узле». Впрочем, В. Тендряков — писатель, работающий серьезно, много, интересно, и возможности его таланта еще не раскрыты до конца.

5

Историзм — то качество, без которого не существует реалистического искусства. «Вынув» героев из конкретно-исторической обстановки, оборвав или ослабив нити, связывающие человеческие характеры с условиями, в которых они формировались, писатель остается наедине с «человеческой природой». И тогда появляются, с одной стороны, «злодеи», а с другой — существа, почти ангелоподобные. Первые активно творят зло, да самое что ни на есть кондовое; вторые же всё пассивно сносят или проявляют чудеса самоотверженности и самопожертвования.

Повесть В. Логинова «Три студеных дня» («Нева», 1965, № 6), как и упомянутая выше повесть В. Тендрякова, посвящена жизни современной деревни. И одним из главных героев ее также является председатель колхоза — Иван Харитонович Иваненко. И есть даже что-то общее в жизненном пути Ивана Харитоновича и Артемия Богдановича. Артемий Богданович, как помните, перед тем как стать председателем колхоза, «успел поработать в районе каким-то начальником средней руки». Иван Харитонович тоже побывал районным начальником. До войны Иван Харитонович был бригадиром. Осенью сорок первого года его избрали председателем колхоза, а вскоре Котовщиков, бывший тогда секретарем райкома, перетянул его в район, — Иван Харитонович стал заместителем председателя райисполкома. Затем он «время от времени по неписаным законам районной номенклатуры менял должности — побывал заведующим райзо, опять же заместителем председателя райисполкома, три года работал в райкоме, некоторое время был даже редактором районной газеты». После сентябрьского Пленума Иван Харитонович вернулся в родной колхоз и снова стал его председателем.

На этом, пожалуй, и кончается сходство между героем В. Логинова и героем В. Тендрякова. Далее начинаются различия... Причем различия эти обусловлены не столько несходством характеров персонажей, сколько разным подходом писателей к изображаемой жизни. Если В. Тендряков стремится проанализировать характер в тесной связи с породившими его условиями, то В. Логинов идет по иному пути.

Вот, например, одно из описаний психологического состояния Ивана Харитоновича: «В нем снова загорелась злоба на Анну — та почти беспричинная злоба, которая часто (и с каждым годом, пожалуй, все чаще) вздувалась в душе и подтачивала, разрушала

там все доброе. А ведь когда-то он был добрым человеком, все называли его добрым, даже сейчас, вспоминая давнишние годы, Котовщиков называет его не иначе как добряком. Да, был он добрым, мягким, но ни мягкости, ни доброты сейчас почти не осталось — он это чувствовал сам, знал это».

Как видим, злоба у героя повести *беспричинная*, хотя «вздывается в душе» *часто* (и с каждым годом «все чаще»). Как видим, ни мягкости, ни доброты у него сейчас почти не осталось, хотя *когда-то* был человеком добрым. Словом, был Иван Харитонович добряком и вдруг стал злодеем. Вот как объясняется в повести эта метаморфоза.

Позвал его к себе однажды военком Андриющенко, дружок «закадычнее Котовщикова», и сообщил, что пришла официальная бумага: Игорь пропал без вести. Кроме того, Андриющенко добавил, что это значит — плен. «А сдача в плен равносильна измене родине. Вот такое дело».

Как же реагирует на это сообщение Иван Харитонович? А вот как: «Смерть сына была бы страшна, но предательство еще страшнее. «Негодяй! — выдавил Иван Харитонович. — Что я теперь Михаилу Ивановичу скажу?»

Андриющенко, спохватившись, пытается его вразумить: «Ты не преувеличивай... никто не утверждает, что твой сын сдался добровольно. Это неизвестно. Мог и без сознания, раненым в плен попасть». Но все это не производит на Ивана Харитоновича ни малейшего впечатления. «Андриющенко успокаивал, — пишет автор, — но Иван Харитонович понимал: раненым ли, добровольно ли, из-за трусости — это все равно теперь. Главное, страшное — сын его в плену. Сдался в плен!.. И уже завтра люди будут оглядываться, перешептываться: отец пленного. Он — отец пленного!»

Видите, каким злодеем оборачивается сразу Иван Харитонович. Еще ничего не зная о судьбе сына, он уже обзывает его «негодяем». Предположив, что Игорь в плену, он уже несколько не интересуется тем, попал ли тот в плен «раненым» или сдался «добровольно», «из-за трусости», — «это все равно теперь». Ничего себе «все равно»! После этого всего один шаг остается до следующего злодейства: Андриющенко предлагает устроить подлог: эту бумагу уничтожить, а вместо нее прислать Ивану Харитоновичу «похоронную». Тот сразу же соглашается. Так Иван Харитонович хоронит живого сына.

Ну, а дальше даже и от таких объяснений происходящего автор себя освобождает. Все последующее мотивируется очень просто: «Душа была продана, ржа стала разъедать сердце. А за что, за что он продал душу? И кому?.. Да не все ли равно кому? Просто дьяволу. Обыкновенному дьяволу. Думал, что все обойдется как-нибудь, не придет, не вернется дьявол. Но ошибся! Настал срок — и вот он явился, прилег рядом, лежит ухмыляется, дьявол!...»

Раз встав на черный путь, герой уже не может с него сойти —

дьявол не пускает. Он совершает одно злодейство за другим. В-первых, он пытается изнасиловать Анну Дугинец, бывшую невесту своего сына. Во-вторых, по его вине та же самая Анна чуть не замерзает. В-третьих, опять-таки по его вине, Матвей Иваненко замерзает.

...Иван Харитонович возвращается в станицу. Макарыч заметил, что что-то чернеет в снегу, и остановил лошадей. «Не человек ли?» Оказалось, человек. Иван Харитонович вылез из санок, «шагнул два раза по чужому трудному следу и увидел шинель. «Матвей!» — сразу пронеслось у него. Ему показалось, что волосы поднимаются дыбом. Но волос-то у него не было! Дикий крик вырвался у Ивана Харитоновича. Дьяволы заметались перед глазами. Дьяволы или, может, петухи с ошипанными шеями. «Иди ко мне! Иди ко мне!» — звали его дьяволы. Иван Харитонович отшатнулся, пнул ногой что-то невидимое и, отскочив, словно обожженный, упал в санки». Иван Харитонович укатил, Матвей остался замерзать. Причина этого нового злодейства, уже откровенного? Дьяволы...

В довершение всего Иван Харитонович еще раз отрекается от собственного сына. Оказывается, Игорь действительно попал в плен, но в лагере организовал подполье и, возглавив восстание против фашистов, погиб, как герой. Когда Ивану Харитоновичу показывают бумагу, в которой рассказано об этом, он заявляет, что речь идет не о его сыне, а о ком-то другом, так как Игорь, дескать, убит в 1941 году.

Таковы основные факты черной «биографии» Ивана Харитоновича Иваненко. И хотя сам Иван Харитонович в конце повести настойчиво стремится внушить Лактионову и Котовщикову, что все это «связано» («виноват я, все связано»), повесть в этом вовсе не убеждает. Беда в том, что осталась нераскрытой связь характера с обстоятельствами, с условиями жизни. А это неизбежно ведет к мелодраматизму.

Когда герои вынуты из реальной, жизненной цепи причинно-следственных связей, они становятся удивительно податливыми и автор может располагать их как угодно: может одних надевать злодейской маской, а других — ангельским ликом. Именно такими, почти бесплотными ангелами и представлены у В. Логинова парторг Гулявин и комсомольский секретарь Матвей Иваненко.

По неписаным законам мелодраматической беллетристики, такому герою, как Иван Харитонович, то есть человеку «плохому», хотя и считавшемуся «хорошим», должен сопутствовать другой герой — считающийся «плохим», а на поверку оказавшийся «хорошим». Так оно и есть в повести В. Логинова. Роль данного героя досталась третьему Иваненко — Сеньке.

Сначала он аттестуется как отъявленный шалопай, «вздорный парень» и «стиляга». Когда в станицу приходит телефонограмма, из которой явствует, что всех троих Иваненко вызывают

в райцентр, к Котовщикову, то Иван Харитонович выражает искреннее удивление по этому поводу и говорит жене относительно Сеньки: «Не из-за этого ли паршивца и вызывают?.. Может, воровство вскрылось какое... Он-то может! От него только и жди такого!» «Наверняка воровство»,— подхватывает жена Ивана Харитоновича.— «У него и рожа-то вороватая, наверняка он этим занимается, байстрюк».

Вот этот «байстрюк» с вороватой рожей и оказывается на поверку самым что ни на есть положительным героем.

Во-первых, именно он находит замерзающего Матвея Иваненко. Причем, в отличие от Ивана Харитоновича, он не только не убегает при виде «тела», а, наоборот, взваливает его на плечи и самоотверженно тащит к расположенной неподалеку ферме.

Во-вторых, он принимает решение пойти работать на «дальнюю» ферму, да не кем-нибудь, а «доярком». Сначала с ним проводит соответствующую воспитательную беседу парторг Гулявин, который после случая с Анной Дугинец решил послать работать на дальнюю ферму вместо пожилых женщин «человек десять добровольцев» из молодежи. Сенька для порядка немного колеблется, хотя решение, конечно же, заранее predetermined, но потом совершенно твердо и категорически заявляет Гулявину, что согласен.

Какой милый, симпатичный, самоотверженный парень! И это — самый несознательный из колхозных ребят. Представляете, каковы остальные?!

Непонятно только одно: а почему, собственно говоря, Сенька согласился работать доярком? Ведь у него за плечами десятилетка; ведь он в кузницу просился. Неужели нельзя было его использовать в колхозе более целесообразно? Да и к чему вообще вся эта затея с «десятком добровольцев»? Ведь проблемы-то тут никакой нет: просто нужно выделить машину, которая отвозила бы доярок на ферму и привозила обратно, чтобы не таскались они ежедневно по шестнадцать километров пешком.

Все эти вопросы — вроде бы мелочь. Но историческая достоверность или недостоверность изображаемого складывается и из «мелочей».

Впрочем, не такие уж это и мелочи. Когда характеры персонажей оказываются как бы «вынутыми» из реальных условий, когда на первый план выдвигаются не действительные конфликты, а мнимые или явно второстепенные, то картина жизни — от «панорамы» до «мелочей» — и историческая перспектива оказываются смещенными.

Прочитав такую книгу, иной читатель и впрямь подумает, что все дело в «природе» человека, в «дьяволах» и т. п. Поменьше бы, дескать, Иванов Харитоновичей Иваненко, побольше Матвеев и Сенек Иваненко — и все будет преотлично.

Так отказ от историзма приводит не только к мелодраматизму и облегченности повествования, но и к абстрактному морализатор-

ству, к отказу от четких оценок тех явлений, которые должны быть оценены ясно и бескомпромиссно. На поверку же все это, независимо от воли и намерений автора, оборачивается не просто отсутствием историзма, а уже самым настоящим антиисторизмом.

6

Мне кажется, что те произведения «текущей» литературы, о которых шла речь, дают довольно верное представление о нынешнем состоянии историзма в нашей «словесности». Картина вырисовывается приблизительно следующая.

В книгах о прошлом подлинный историзм утверждается все прочнее и прочнее. Он стал основой работы не только писателей-документалистов — например, С. С. Смирнова, проделавшего гигантский труд и восстановившего историю героической обороны Брестской крепости. Он обосновался не только в мемуарах, вновь обретших былую популярность. Он пронизывает ныне и художественные произведения о минувшем периоде нашей жизни.

Документальные жанры чрезвычайно важны, ибо устанавливают и демонстрируют реальные исторические факты, рассказывают о психологическом состоянии людей в определенные годы, знакомят нас с размышлениями тех, кто был участником или очевидцем событий, ставших историческими. Правда, полученная из «первых рук», всегда интересна и поучительна. Вот почему с такой жадностью читаются воспоминания дипломата Майского, генерала Горбатова, адмирала Кузнецова и многих, многих других.

И все же мемуары — по самому жанру своему — представляют собой рассказ о том, что довелось пережить и увидеть самому автору. В них нет и не может быть всей исторической правды эпохи, они неизбежно «субъективны».

В связи с этим особое значение приобретают художественные произведения о минувшем. Их историзм — это историзм образного обобщения жизни, историзм социально-психологических типов, историзм разностороннего отображения действительности.

Мне кажется, не правы те, кто усматривает в современных книгах о нашем недавнем прошлом некую «опасность» для лучших произведений, созданных «тогда». Это заблуждение.

«Испытательный срок» и «Жестокость» П. Нилина не отрицают «Разгрома» Фадеева или «Неделю» Либединского.

«Батальоны просят огня» Ю. Бондарева и «Третья ракета» В. Быкова не опровергают ни «Народ бессмертен» В. Гроссмана, ни «Волоколамского шоссе» А. Бека, ни «Звезды» Эм. Казакевича, ни «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, ни многих других правдивых, ярких книг о войне.

И «Теркин на том свете» А. Твардовского, конечно же, не опровергает «Василия Теркина».

Историческая правда, воссозданная нашей литературой в последнее десятилетие, вовсе не противоречит *правде*, запечатленной в литературе 20-х, 30-х, 40-х, 50-х годов. Она дополняет ее. Она ее углубляет.

Однако сейчас этого уже недостаточно. Ныне перед советской литературой во весь свой рост встала новая задача — создать широкие полотна о минувшем, содержащие художественную *концепцию времени*. Нужны не только повести, рассказы, пьесы, отображающие отдельные стороны жизни; нужны романы, эпопеи, которые охватят жизнь в целом.

Такие попытки уже предпринимаются, но очень робко. Удачной представляется работа, проделанная К. Симоновым. Серия его романов (еще не законченная) ставит своей целью дать широкую, исторически правдивую картину Отечественной войны. Именно об этом периоде появилось у нас больше всего воспоминаний, документов. Именно этот период особенно целеустремленно изучался в последние годы нашими учеными-историками. Именно о нем написаны наиболее яркие повести и рассказы. Не мудрено, что и роман-эпопея прежде всего осваивает как раз этот отрезок недавней истории.

Другим периодам нашего прошлого «везет» гораздо меньше. Нетрудно заметить, например, что десятилетие, пролежавшее между коллективизацией и началом войны, в значительной мере остается «белым пятном» на карте нашей современной литературы. (Роман В. Кетлинской «Иначе жить не стоит», действие которого развертывается во вторую половину 30-х годов, не может заполнить пробела.) Показательно, что данный период оказался пока «пропущенным» и в серии романов В. Катаева, продолжающих «Белеет парус одинокий», и в трилогии К. Федина.

Конечно, время тогда было сложное, и поспешность при его изображении — ни к чему. Но надо надеяться, что пройдут годы, и в нашей литературе появятся романы-эпопеи, подобные «Жизни Клима Самгина» и «Тихому Дону». В этих книгах жизнь минувших десятилетий предстанет во всей ее полноте и истине, художественный анализ действительности будет поставлен на твердую почву реальных фактов и пронизан последовательным историзмом.

Конечно, последовательный историзм, глубокий художественный анализ причин, породивших определенные явления или события, даются нелегко. Писатель, твердо придерживающийся этих принципов, возможно, даже подвергнется нападкам перестраховщиков. Ведь пришлось же в свое время Шолохову выдержать мощную атаку со стороны «ортодоксов», требовавших изъятия из шестой части «Тихого Дона» мест, показавшихся им «крамольными». Но писатель проявил завидную твердость. В письме к Горькому от 6 июня 1931 года Шолохов подчеркивал: «...я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, так

как, не давши этого, нельзя вскрыть причин восстания. А так, ни с того, ни с сего, не только не восстают, но и блоха не кусает».

Последовательно проводимый принцип историзма требует, по мысли Шолохова, не только правдивого изображения событий, но и вскрытия причин, породивших эти события.

Этого положения не следует забывать ни тем, кто пишет о прошлом, ни тем, кто повествует о настоящем. Как раз здесь, в книгах о современности, чаще всего и блохи кусают «так», и важные события в жизни людей совершаются «ни с того, ни с сего».

Наиболее наглядно это проявляется в финалах. Пока изображается хотя бы и ближайшее, но «прошрое», авторы — худо ли, хорошо ли — стремятся остаться «на исторической почве». Но вот в финале приближается «настоящее», и происходит что-то непонятное. Взять хотя бы фильм «Председатель», поставленный А. Салтыковым по сценарию Ю. Нагибина. Это, несомненно, один из лучших фильмов последних лет. Положение дел в нашем сельском хозяйстве после войны изображено здесь верно, без прикрас. Но вот миновал 1953 год, и сразу же все меняется: на глазах зрителя молниеносно вырастают новые дома колхозников, свинарники, роскошная больница и т. д. и т. п.

Легко припомнить и книги, авторы которых правдиво рисуют трудную деревенскую жизнь, сталкивают своих героев в серьезном конфликте; но в финале появляется секретарь райкома или обкома, и почти все конфликты тут же разрешаются.

Вольно было когда-то древним грекам нещадно эксплуатировать *deus ex machina*, чтобы как-то разрешить затронутые конфликты. Им это можно простить: они еще не знали законов развития человеческого общества. Но мы-то знаем. Нам-то известно, что для разрешения противоречий общественного развития одного «волевого усилия» руководителя недостаточно. Ведь все это требует серьезного марксистско-ленинского анализа причин, породивших эти противоречия, и их устранения.

Слишком робки многие наши писатели в освещении нынешнего этапа истории. Слишком мало у нас произведений, ставящих крупнейшие проблемы нашего времени, дающих концепцию современности. В выходящих книгах речь идет главным образом о тех или иных отдельных сторонах жизни. А ведь стоило бы попытаться охватить действительность единым взором — не только во взаимосцеплении разных сторон нашей внутренней жизни, но и в связи с процессами, происходящими за рубежом. Сегодня события, совершающиеся в одной какой-либо стране, как никогда раньше, влияют на весь ход мировой истории.

Подлинный, последовательный историзм — надежное противоядие против субъективизма и догматизма, против мелодраматизма и абстрактного морализаторства, против «лакировки» и «очернительства», — одним словом, против всяческих шарашаний из стороны в сторону.

Надо надеяться, что принципы подлинного историзма будут все прочнее и глубже утверждаться не только в книгах о прошлом, но и в произведениях о современности. Надо надеяться, что все больше и больше будет у нас писателей, которые умеют, говоря словами Энгельса, «верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 189.
